

Предисловие

У многих из тех, кто прожил большую и богатую событиями жизнь, появляется желание поделиться с собеседниками или читателями своими воспоминаниями.

Испытывая такое желание, я тоже решил описать отдельные этапы своей жизни и высказать свои соображения по некоторым животрепещущим вопросам сегодняшнего дня, которые не могут оставить равнодушным меня, вероятно, как и многих других.

В каждом деле имеются свои сложности. При написании воспоминаний трудность заключается в том, чтобы, перебирая в своей памяти многие эпизоды, среди тысяч деталей суметь выбрать лишь те, которые будут интересны, прежде всего, для читателя. Определить грань между тем, что важно для автора, и тем, что имеет значение для читателя, довольно сложно. И я как мог старался уловить её.

Что и как получилось, судить читателю. Если где-то увлёкся описанием сугубо личных или слишком мелких деталей, прошу меня извинить.

ДЕТСТВО И ЮНОШЕСТВО

Моё детство, годы учёбы в школе и техникуме были полны лишений и суровых испытаний.

Родился я незадолго до Великой Отечественной войны в Заказанье, в селе Кышкар (Наянгуш) Атнинского (ныне Арского) района Татарстана в крестьянской семье третьим ребёнком.

Природа здесь небогатая: лесов, просторных лугов, полноводных рек нет, земля скудная. Люди жили бедно, сводили концы с концами благодаря своему самоотверженному труду. Жестокий колхозный режим военных и послевоенных лет не позволял крестьянам пользоваться благами своего неимоверного труда.

Отец, получив ранение в финской войне, вскоре ушёл на фронт Великой Отечественной, возложив участь четверых детей на плечи жены. Вернулся домой в конце войны с ранениями. Мать на него получила похоронку (это я уже помню), которая, к счастью, оказалась ошибочной.

Те военные годы сохранились в моей памяти как страшный сон. Вот лишь некоторые эпизоды.

Зимой нам с младшим братом Анасом нередко приходилось просиживать целыми днями голодными в холодном доме. Двое старших братьев — Равиль и Наиль — ходили к речке ломать ивовые ветки для растопки, собирали в поле торчащие из-под снега кустики полыни, тайком забирались в овин, чтобы надёргать сена и притащить его домой. Дров не было: печку топили соломой, сырыми ивовыми прутьями или такой же сырой полынью. От такого «топлива» печка не успевала даже прогреться.

Мама целый день пропадала на работе — «наматывая» раз за разом расстояние в 30 километров между Кышкаром и Арском, вместе с другими женщинами возила на санях колхозное зерно то ли на элеватор, то ли на станцию.

Нашей основной едой были картошка и суп из затирухи, сделанной из снятого молока — обраты. Летом — снова картошка и катык из того же обраты. Впрочем, долгое время и после окончания войны еды в доме хватало лишь на то, чтобы не умереть с голоду. Молоко полностью уходило на изготовление масла, которое вместе с мясом трёх-четырёх овец, куриными яйцами мы отдавали государству в виде налога: самим не доставалось ни масла, ни мяса, ни яиц. Если после уплаты налога и оставались какие-то крохи, их продавали на базаре: нам семерым (отец, мать, пятеро сыновей) надо было одеваться или хотя бы залатать ту одежду, которая была. В колхозе за работу с утра до ночи, разумеется, ни копейки не платили. За целый день работы записывали один трудодень, за который осенью полагалось от 500 до 800 граммов (а если год выдавался урожайным, то один килограмм) зерна. Потому всячески экономили и хлеб пекли с добавлением протёртого картофеля. Поскольку семья была большая, то и съедалось много (пища-то была некалорийная): каждую неделю с братом Наилем заготавливали каждый по ведру тёртой картошки. Работали на грубой тёрке, изготовленной при помощи напильника. Брат был старше меня на четыре года, а потому выносливее. Когда у меня не оставалось сил, я работал стоя, и пальцы от острых зубрин тёрки расцарапывались в кровь.

В конце марта — начале апреля с полей начинал сходить снег и появлялись проталины, которые становились для нас дополнительным источником питания, обнажались поля, на которых осенью собирали картофель.

Наверное, многие знают или слышали, что в голодные годы картофель, перезимовавший в земле, весной считался довольно сытным продуктом. Из него пекли лепёшку. Калач из гнилой картошки в то время нам, голодным ребятишкам, казался вкусным.

Этой лепёшкой из гнилой картошки мы питались ещё долгое время — и во время войны, и после неё. Обязанность собирать такую картошку лежала на мальчишках вроде нас. Взяв в руки ведра, мы отправ-

лялись в поле. На ногах у нас были лапти на своеобразной «платформе» — деревянной подставке, привязанной к подошве лаптей — или деревянные башмаки. Раскисшая земля проваливалась под ногами, засасывая в себя обувь, шагать было трудно. Чтобы облегчить передвижение, у края поля мы разувались и босиком ступали в это размякшее месиво воды, снега и земли. В некоторых местах под тонким слоем земли ещё оставался лёд, и там ноги разъезжались. Пока наполнишь ведро, проходит час, два, а то и три-четыре... Удивительно, как мы, проведя столько времени босиком на холодной земле, впоследствии не стали инвалидами. Наверно, нас уберёт Всевышний...

Когда земля покрывалась растительностью, для нас начинался сезон подножного корма — мы поедали растения. Щавель, тысячелистник, свербига, сныть, борщевик, козлобородник, щавелёк и ещё какие-то растения составляли нашу пищу. Всё это было настоящим кладом витаминов, только слабо утоляло голод.

Нужда дожимала нас невероятно. Однажды летом (мне было лет 10–11), разбудив спозаранку, мама вручила мне свёрток шерсти. Мне предстояло отправиться за 15–16 километров, в село Атня, и продать шерсть за 30 рублей. Кое-как добравшись до Атни, я начал расхаживать по базару. Время от времени кто-нибудь меня останавливал, чтобы посмотреть товар, но 30 рублей никто так и не дал — все как один предлагали мне 25 рублей. Вскоре торговля начала сворачиваться, и я от безысходности продал шерсть какому-то человеку за 25 рублей — ведь не понесёшь же её обратно!

Дорогу я преодолел с грехом пополам: половину пешком, половину на телеге какого-то сердобольного человека. Домой я вернулся вечером... Реакция мамы меня огорошила — она рассердилась и начала кричать на меня: «Я же велела тебе продать за 30 рублей, почему ты отдал за 25?!» Даже сейчас, когда я вспоминаю ту историю, у меня больно сжимается сердце. Но я понимаю, что на маму грех обижаться: наверно, тогда нам очень нужны были деньги. Ведь время было жестокое...

...Немного отмотав время назад, расскажу ещё две истории, случившиеся в годы войны, да и некоторое время после войны. Люди тогда мучились без соли и спичек. Но мальчишки моего поколения обладали удивительной способностью к изобретениям. Мои старшие братья, например, научились высекать огонь при помощи кремня. Запомнилось, как иногда соседи приходили к нам за угольками, чтобы разжечь свои очаги. Поговаривали, что старушка Хасби могла нести горящий уголёк прямо в ладонях...

Ещё хорошо помню, как женщины в годы войны, собравшись у кого-нибудь в доме, при свете семилинейной лампы, а иногда и коптилки (керосин был дорогим, его не хватало) занимались рукоделием и обсуждали деревенские новости: на кого пришла похоронка, кто с ранением попал в госпиталь. Не обходилось без слёз, иногда, не в силах справиться с нахлынувшими чувствами, женщины пели песни. У нашей мамы был красивый голос, поэтому её часто просили спеть.

Жизнь крестьянина в нашей стране и сегодня нелёгкая, а в 50-е годы прошлого века (о военных годах и говорить не приходится!) она была особенно тяжёлой. Это хорошо знают люди старшего поколения, выросшие в деревне, поскольку вынесли всё на своих плечах. Люди среднего поколения знают об этом понаслышке, из книг и фильмов. Невозможно описать все тяготы и лишения, которые пережил наш народ в те годы. Моё детство пришлось именно на это время.

...Природа вокруг нашего села, как уже было сказано, не богата: нет ни леса, ни реки, ни просторных лугов, так что условия жизни были достаточно суровы.

Правда, были три оврага. В один из них деревенское стадо не пускали: он был покосный для колхозной скотины. В двух других паслись и деревенское стадо, и колхозное. Трава там всегда была съедена под корень, и скотина возвращалась домой не насытившись. Поэтому нам с младшим братом Анасом приходилось вечерами до наступления темноты выводить нашу корову попасться возле деревни на небольших участках сохранившейся травы.